

4. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ-понятие-символ / В. В. Колесов // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. 2 История, языкознание, литературоведение. – СПб., 1992. – Вып. 3. – С. 30-40.
5. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
6. Лукин, В. А. Концепт истины и слово ИСТИНА в русском языке. (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В. А. Лукин // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63-86.
7. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
8. Пименова, М. В. *Душа и дух*: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с. (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 3).
9. Сергеева, Е. В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике / Е. В. Сергеева // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб., 1999. – С. 126–130.
10. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
11. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М., 1997.
12. Sapir, E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / E. Sapir, D. Mandelbaum (ed). – Berkeley: University of California Press, 1949.

УДК 81'373.612.2

М. В. Пименова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В языке отражаются различные модели «взгляда на мир» (выражение В. фон Гумбольдта) носителей языка. Это различие закрепляется в виде разнообразных возможностей формирования и развития языковых значений и форм. Слово в таком контексте выступает как символ, семиотическая формула того или иного образа, который возможно восстановить через исследование соответствующих концептов. Внешний и внутренний миры представляются человеку через призму его культуры и языка. Язык является неотъемлемой частью этой культуры. В ходе теоретической и практической деятельности человек чаще имеет дело не с непосредственным миром, а с репрезентацией мира, закреплённой в языке.

Исследование культуры отдельного народа возможно в рамках такого явления, как самопознание: «Если признать, что высшим земным идеалом человека является полное и совершенное самопознание, то придется признать, что только та культура, которая может такому самопознанию способствовать, и есть истинная. Для того чтобы способствовать индивидуальному самопознанию, культура должна воплощать в себе те элементы психологии, которые являются общими для всех или для большинства личностей, причастных к данной культуре, т. е. совокупность элементов национальной психологии. При этом воплощать такие элементы культура должна ярко, выпукло, ибо чем ярче они будут воплощены, тем легче каждому индивидууму познать их через культуру в самом себе» (Трубецкой, 1995, 119).

Язык – составная часть культуры, её орудие. Язык народа есть не только инструмент общения и воздействия, но и средство усвоения культуры, по-

лучения, хранения и передачи культурно-значимой информации. «Индивид неповторим как биологическая и психологическая особь, но он рождается в уже готовый мир. Таким образом, дитя уже принадлежит своему социуму, своей эпохе и культуре. Развивающейся личности предстоит жить в соответствии с явными и неявными моделями и образцами, принятыми в данной культуре» (Фрумкина, 2001, 86). Язык – это особый способ существования культуры, фактор формирования картины мира. «Отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое» (Телия, 1996, 82).

Когнитивный подход к исследованию семантики слова заключается в изучении самого значения слова, в котором фиксируются не только признаки, необходимые и достаточные для идентификации обозначаемого, но и наивные (обыденные) знания об обозначаемом. Такой комплексный подход к изучению концептуальной структуры позволяет реконструировать концепт через его языковое выражение.

Метафора – это перенос признаков с одного объекта на другой. Концептуальная метафора есть способ видения одного через призму другого. «Метафора ... является основным способом мифологического мышления» (Головановская, 1997, 22). Мифологическое сознание проявляется в тех случаях, когда мы одушевляем мысль, ум и рассудок (это проявляется в таких выражениях, как *мысль вылетела, живой ум, голос рассудка*), превращаем их в человека, персонифицируем (*изобретательная/умная мысль, ум творит/создает, рассудок под-*

сказывает/ советует), или превращаем их в животных или птиц (*мысль парит/ летит, парящий ум, Мои мысли – мои скакуны*. Газманов), материализуем их (ср.: *передать мысль, острый/ тупой ум, быть в своем рассудке*), отождествляем их с неким оружием (мы говорим: *вооружиться мыслью, наточить/ заострить свой ум; колючий ум*), мыслим их как некое замкнутое пространство (*быть в полном рассудке, быть в мыслях, в уме засела идея*).

В основе концептуальных метафор находятся когнитивные модели. Под *когнитивной моделью* понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах (см. подробнее: Пименова, 2004, 82-90).

Исследование и сопоставление стереотипных признаков концептов позволяет выявить общие и специфические особенности народных (ненаучных) систем знаний о внутреннем мире человека, а также выводить некоторые заключения о свойствах национальной ментальности. Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной действительности и отражения этих процессов в языковых структурах: «Познавательную операцию, позволяющую определить объект через его отнесение к более общей категории, принято называть категоризацией. ...Отнесение объекта и именуемого его слова к более общей категории скрывает за собой отнесение его смысла, концепта, к более общей категории концептов. ...Важную роль в процессах сжатия информации и концептуализации неисчерпаемого многообразия мира играет именно отношение член категории – имя категории, поскольку оно лежит в основе операции обобщения» (Фрумкина, 2001, 62). Как организованы категории в языке? «Безусловно, часть наших знаний структурируется посредством «классических парадигм» по принципу вариант – инвариант, однако определенная (большая) часть нашего опыта организована иным, более сложным способом – лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» (Борискина, Кретов, 2003, 11).

То, что существует и адаптируется в языке, соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются только те знания, которые соответствуют существующей в нём понятийной сетке. Невозможно говорить о языковой ментальности, не проникнув в суть духовного пространства языка. «Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в закончен-

ном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» (Колесов, 1995, 15). «Ментальные архетипы складывались исторически, по определённым, генетически важным принципам, которые и следует описать» (Колесов, 2004, 15). Как отмечает В. И. Карасик, к числу онтологических характеристик языковой картины мира относятся следующие признаки:

- 1) наличие имён концептов;
- 2) **неравномерная концептуализация** разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса;
- 3) **специфическая комбинаторика** ассоциативных признаков этих концептов;
- 4) **специфическая квалификация** определённых предметных областей;
- 5) **специфическая ориентация** этих областей на ту или иную сферу общения (Карасик, 2002, 129-130).

В последние десятилетия XX века отмечается живой интерес к вопросам глубинных закономерностей языкового механизма; на первый план выступил ряд проблем, связанных с методикой и методологией исследования концептов и концептуальной системы языка. Концептуальная система – это основа языковой картины мира. Концепты – составные части концептуальной системы – объективируются в виде слов или сочетаний слов, в которых «прочитываются» признаки фрагментов языковой картины мира.

Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Под концептом может пониматься национальный ментальный образ (идея, символ), который имеет сложную структуру объективации. *Структура концепта* – это совокупность обобщённых признаков и групп признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира.

Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты. На материале этих единиц рассматриваются способы представления концептов определённой сферы мира и их признаки. Как отмечает И. А. Стернин, «слова выражают в общении коммуникативно релевантные признаки концептов, поэтому ни одно слово ни в одном акте речи не может выразить все содержание концепта», которое «никогда не востребовано в общении в полном объёме в силу своего глобального объёма» (Стернин, 2004, 45).

Постичь картину мира всегда непросто. «В силу привычки мы не замечаем культурную модель мира, отраженную в родном языке. ... Модель мира, воплощенную в чужой культуре, можно увидеть через призму неродного языка, если сумеет подобрать к нему соответствующий «ключик» (Фрумкина, 2001, 87). Содержание культуры представлено различными областями: это – нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры. «Язык – уникальный архив исторической памяти народа, отражение его образа жизни, верований, психологии, морали, норм поведения» (Кошарная, 2002, 26). *Код культуры* – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры. Коды культуры соотносятся «с древнейшими архетипическими представлениями человека» (Красных, 2002, 232). При переносе в языке характеристик из одного кода в другой возникает метафора или метонимия. *Код культуры* – это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления). Как указывает В. Н. Телия, «культура ... – это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно-значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Из этого следует, что культура – это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» (Телия, 1996, 18). Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира, «категоризация как процесс сжатия многообразия – всегда лишь этап взаимодействия с окружением. Сами категории как таковые не даны нам «свыше», а формируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды. ... При этом любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» (Фрумкина, 2001, 87). В основе категоризации, рассматриваемой как процесс, «лежат сложившиеся у нас представления о сходстве и различии объектов, будь то объекты внешнего мира, подобно облакам, или феномены внутреннего мира – такие, как представления о цвете или смысле слова» (там же, 90). Процессы категоризации связаны с человеком, его особенностями восприятия мира: «антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функ-

ции для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится такой точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» (Кубрякова, 1995, 212).

Наиболее актуальными выступают исследования когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивной интерпретации носителей разных языков, фрагментов своего внутреннего мира, а также ключевых концептов культуры, под которыми понимаются обусловленные культурой «ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для ... сообщества в целом» (Маслова, 2001, 51). Концепты культуры делятся на несколько групп:

- 1) *универсальные категории культуры* (философские категории – время, пространство, причина, следствие, изменение, движение, количество, качество);
- 2) *социально-культурные категории* (свобода, справедливость, труд, богатство (для русских – достаток), собственность (которая в русском языке обозначается и как *частная*, и *общественная*, и *общинная*, т. е. выражается описательно, а в английском языке частная собственность обозначается одной лексемой – *privacy*);
- 3) *категории национальной культуры* (для русской культуры – это *воля, доля, соборность, душа, дух*);
- 4) *этические категории* (*добро и зло, долг, правда и истина*);
- 5) *мифологические категории*, включающие в себя религиозные (*боги, ангел-хранитель, духи, домовый*)*.

Ключевым можно считать тот *концепт*, который встречается в частотных общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках.

В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики, что закрепилось в виде метафор и метонимии. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системах кодов, среди которых: растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный). Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода.

* Мифологические категории – это мифологические концепты, а также концепты из фольклорных и литературных источников (см. подробнее: Корнилов, 2003, 285-286).

Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления.

Антропоморфный код, в свою очередь, делится на индивидуальный и социальный субкоды. Кодам культуры в основной своей части свойственен изоморфизм, т. е. в каждой культуре наличествует весь перечисленный спектр кодов, однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Элементы кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность. В каждой культуре отмечаются свои классификационные и квантификаторные цепи, в которых мы можем проследить ассоциативные комплексы: птица → растение (*кукушка* → *кукушкины сапожки/ слёзки*), птица → человек (*стреляный воробей*), птица → артефакт (*железная птица «самолет»*), растение → строение (*луковка собора*), животное → человек (*осел* → *осел «упрямый, глупый человек»*), растение → человек (*дуб* → *дуб «здоровый, сильный, но неумный человек»*), природное явление → растение (*дождь лепестков*), живое существо → страна/ государство (*в самом сердце страны*), организм → экономика страны/ государства (*экономика больна/ заражена*), организм → социальная система (*экономическая мощь страны*), светило → человек (*солнце моё/ звезда моя «обращение»*), социальное явление → растение (*растительное царство*), артефакт → социальное явление (*жернова избирательной компании*), артефакт → психическое явление (*чаша терпения; заряд злости*), предмет → абстракция (*обломки былой славы*), стихия → психическое явление (*буря в душе*), природный элемент → артефакт (*юбочка оленка*), природный элемент → человек (*не человек, а кремль*), природный элемент → организм (*гора мышц*), природный элемент → общество/ политика (*социальные потоки; политические течения*), стихия → человек (*ураганом пронесся мимо*), стихия → социальное явление (*вихри войны*), пространство → социальное явление (*вертикаль власти*), время года → возраст человека (*осень моей жизни*) и т. д.

Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира. Образы, признаки которых относятся к кодам культуры, функционируют в режиме подобия. Образные признаки актуализируют только те черты, которые являются «образом образа», об этом писал еще А. А. Потебня: «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого

единства; она не есть образ предмета, а образ образа, т. е. представление» (Потебня, 1993, 100). Такие признаки лежат в основе типовых представлений о реалиях внешнего и внутреннего миров. По мнению Н. Д. Арутюновой, образ может «подняться до символа» (Арутюнова, 1988, 126-129).

Концептуальные метафоры и соответствующие когнитивные модели, используемые для описания внутреннего мира человека, можно представить в виде универсальной типовой (присущей большинству концептов) структуры (подробнее см.: Пименова 1999, 2001, 2003, 2004). В качестве иллюстраций используются словосочетания с лексемами, обозначающими ментальную сферу внутреннего мира человека.

Концепты реализуются в языке различными способами. Так, у одного и того же концепта может быть несколько способов обозначения. Например, концепт *ум* в русском языке может реализоваться посредством лексем (*ум, (по)умнеть, умный, умно*), композитов (*ум-разум*), а также свободных и устойчивых словосочетаний (*ума палата; большого ума человек*), а также пословиц и поговорок (*Ум за разум заходит; Кума, не купи гумна, а купи ума; Ум не лукошко, не прошибешь окошко*) и т. д. Описание концепта может происходить в виде определения максимально полного набора признаков, свойственных исследуемому концепту.

Концепты внутреннего мира обычно представлены в языке посредством метафор. Как отметил А. П. Чудинов, «каждая из ... метафор – это только мелкая деталь, малозаметное стёклышко в огромной мозаике, но подобные образы – это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей... Важно подчеркнуть, что метафорическое зеркало отражает не реальное положение дел..., а его восприятие в национальном сознании» (Чудинов, 2003, 211). Некоторые метафоры, которые используются для описания внутреннего мира, отличаются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а другие метафоры являются культурно-специфическими. Рассмотрение метафор с точки зрения их универсальности и специфичности позволит выявить общие механизмы репрезентации концептов в языковых картинах внутреннего мира; метафора – это важный механизм, при помощи которого мы понимаем абстрактные понятия, относящиеся к сфере внутреннего мира человека, и рассуждаем о них.

Представление фактов определенных сфер жизни человека посредством других – явление универсальное для разных языков. Однако сами сферы, определяющие друг друга, не совпадают. Так, например, носители русского языка прямо определяют свою национальную принадлежность посредством особых признаков концептов *душа, дух, сердце* и *ум* (см. подробнее: Пименова, 1999). Метафору обозначают как перенос из области источника в область-мишень. Область-источник (которую ещё называют донорской зоной) – это та основа, признаки, свойства и значимые характеристики которой переносятся на другую область описания (реципиент-

ную зону). Человеку не нужно придумывать слова; он пользуется теми ресурсами, которые есть в его языке. Внутренний мир человека – область абстракции; составляющие этой области – явления метафизические, ирреальные. Для того, чтобы передать эти ирреальные сущности, язык предоставляет возможности использования знаков, закрепивших за собой уже существующий физический опыт.

В качестве области-источника образования метафор выступают знания о живой и неживой природе, о мире, в котором живёт человек. Неживая природа представлена признаками стихий, вещества, продуктов и предметов, живая природа – признаками растений и живых существ (Бога, человека, животных, птиц, насекомых). Признаки мира объективируются через характеристики неба и его объектов (солнца, звёзд, луны, облаков, туч), земли (дорог, ландшафта), погоды, строений (домов, храмов, колодцев и т. д.). Рассмотрим концептуальные метафоры, реализующие основные когнитивные модели, на примере ментальных концептов.

‘Концепт внутреннего мира → стихия’. Признаки стихий реализуются через характеристики огня, воды, воздуха и земли.

Огонь – в глазах горит ум; искры ума; огонёк мысли в глазах (ср.: [Ольга] читала книгу, и в книге непременно были строки с искрами её ума, кое-где мелькал огонь её чувств, записаны были сказанные вчера слова, как будто автор подслушал, как теперь бьётся у ней сердце. Гончаров. «Обломов»). Признаки огня используются для выражения проявления силы, энергии.

Вода – прозрачная/мутная мысль; прервать течение мыслей (ср.: [Юрий:] Без тебя у меня не было друга, которому мог бы я на грудь пролить все мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомнения... Лермонтов. «Menschen und Leidenschaften»). Признаки воды используются обычно для выражения осознанности или неосознанности мыслительных состояний.

Воздух – глаза/речи дышат умом; лёгкие/воздушные мысли (ср.: Лучи человеческой мысли суть воздух для духов. Бальмонт. «Мысли Словацкого»). Признаки воздуха могут трактоваться и как признаки движения воздушных потоков (ощутить веяние каких мыслей; вихрь мыслей), такие признаки относятся к группе признаков погоды.

Земля – заронить в ум зерно сомнения; зерно мысли зреет в уме; бесплодный ум (ср.: Мысль тихая, зрея в светлом разуме, Искрой разгоралась, – А потом из уст её, словом оперённая, Голубем пленительным. Вылетела чистая, в краски облечённая, С шумом упоительным. Бенедиктов; Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Пушкин). Земля – это символ плодородия, постоянности, устойчивости, роста, укоренения.

‘Концепт внутреннего мира → вещество’. Признаки вещества у концептов внутреннего мира вариативны. Чаще вещество представлено признаками металла, жидкости, газа, кристалла, растворимого вещества, смеси (жидкость – ум кипит; мысли

кипят; кристалл – кристальный ум; грани ума/мысли; мысль выкристаллизовывается; растворимое вещество – идея растворилась в массах; смесь – мешанина мыслей разг.; смешанные мысли). Концепты отличаются друг от друга своими структурами или фрагментами структур. Признак ‘газ/дым’ часто встречается в структурах ментальных концептов, таких, как, например, мысль, дума (мысль/дума испарилась/улетучилась; [Сальери:] Рассей пустую думу. Пушкин. «Моцарт и Сальери»), но в структурах концептов ум и разум этот признак отсутствует.

‘Концепт внутреннего мира → продукт’. Характеристики продуктов представлены через признаки натуральных (природных) и произведённых человеком (ср.: Мысль о ней как-то особенно не варилась в его голове; как ни переворачивал он [Манилов] её, но никак не мог изъяснить себе, и всё время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина. Гоголь. «Мёртвые души»). К признакам натуральных продуктов относятся губка (ум, как губка, впитывает впечатления), мёд (сладкие мысли), яд (ядовитая мысль/идея; Мечик не глядел на неё, и мысль о том, что рано или поздно придётся всё-таки уйти, показалась ему ненужной сейчас, горчила, как отраву. Фадеев. «Разгром»). Среди признаков произведённых человеком продуктов могут быть вино (брожение умов; захмелеть от мыслей; Конец в круженье лишь начало, Средь масок мыслим всякий бред, Все мысли хмельно закачала Метель улыбок и примет. Бальмонт. «Маска»), кислота (мысли разъедают сознание; едкие мысли) и др. Объединяются данные признаки в категорию «пища» (Мужик хоть и сер, да ум у него не чёрт/не волк съел устар.; Ржа ест железо, а печаль ум человека. Слово Даниила Заточника; А здесь умом моим – свиной кормить... А. Толстой. «Пётр Первый»).

Стихии и вещества относятся к неживой природе. Живую природу представляют растения, живые существа (люди, животные, птицы, насекомые).

‘Концепт внутреннего мира → растение’. Вегетативный (растительный, фитонимический, фитоморфный) код является одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов, который обычно используется в системах различных классификаций (дорости умом до чего; мысли/думы растут/разрастаются; вялая мысль; вялый ум).

Самые обширные по количеству выделяемых групп признаков представляют собой признаки живого существа. Биоморфный код культуры относится к миру растений и живых существ. Признаки, образующие субкод живых существ, называются витальными.

‘Концепт внутреннего мира → живое существо’. К собственно витальным относятся общие для живых существ особенности: жизнь/смерть, наличие дыхания, способность спать/просыпаться, необходимость питания, движение/отсутствие движения, физическое состояние и т. д. К этому разряду признаков возводят те свойства и качества, которые являются общими для всего живого мира.

Среди них признаки 'рождение' (*Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет*), 'здоровье' (в здоровом уме; *здоровый/ больной ум*), 'голос' (ум подсказывает; *Если это ропот бесплодного ума или, ещё хуже, жажда не созданного для симпатии, неженского сердца!* Гончаров. «Обломов»), 'питание' (*пища для ума; А чтение, а ученье – вечное питание мысли, её бесконечное развитие!* Гончаров. «Обломов»), 'сон' (*дремлющий ум; пробуждение умов; пробудить в ком мысли/ идеи; И мысли чудные и сильные будила В душе моей той ночи тишина.* Тургенев. «Вечер»), 'возраст' (*Молоденький умок, что весенний ледок; детские мысли/ идеи; Опытность давала ему перед нами некоторые преимущества; к тому же, его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы.* Пушкин. «Выстрел»), 'движение' (*движение мысли/ ума; [Петр] обо всем говорил кратко, внушительно, его мысль чаще всего останавливалась на божестве, аде и смерти.* Горький. «В людях»; *Моя мысль плясала безумную пляску, кружилась, на вихрях качалась, столько стран обегала, что на жизнь бы хватило долгу.* Бальмонт. «Воздушный путь»), 'сила' (*сила ума/ разума; бессилие ума; Ты спал. Окно я растворила, В степи кричали журавли, И сила думы уносила За рубежи родной земли.* Фет. «Всю ночь гремел овраг соседний...»), 'физическое состояние' (*усталость ума; бодрый ум; Ум устал от дум*).

Витальные признаки членятся на три вида – относящиеся ко всем живым существам, относящиеся к человеку и характеризующие высшее существо – Бога. Первый вид формируют зооморфные признаки, второй – антропоморфные, третий – теоморфные.

'Концепт внутреннего мира → живое существо (нечеловек)'. Признаки животных, птиц и насекомых составляют зооморфный код, используемый для репрезентации концептов внутреннего мира человека (животные – *мысли галопом проносятся в голове; птицы – парящий замыслим ум; летать на крыльях ума; разум расправляет крылья; насекомые – отмахиваться от мысли; мысли роятся в голове; идеи носятся в воздухе*).

'Концепт внутреннего мира → человек'. Антропоморфный код культуры – самый разнообразный. По мнению С. А. Кошарной, «антропоморфизм – свойство архаичных культур вообще, вне зависимости от национальной специфики» (Кошарная, 2002, 94). Еще Протагор говорил, что «человек есть мера всех вещей». Человеку свойственно описывать мир посредством наиболее известных ему признаков, среди которых индивидуальные (признаки характера, эмоциональные, ментальные признаки, признаки волеизъявления) и социальные признаки. Антропоморфные признаки можно представить в виде следующих групп: эмоциональные и ментальные признаки, признаки характера, социальные признаки. Последние подразделяются ещё на несколько подгрупп признаков: этических, религиозных, интерперсональных, национальных, признаков занятий. Явления ума наделяются «характером» (*неуём-*

ный ум; властные думы; благородный ум; дерзкий ум; самолюбивая мысль/ идея; Иногда речь её сверкнёт искрой сарказма, но там блещет такая грация, такой кроткий, милый ум, что всякий с радостью подставит лоб! Гончаров. «Обломов»), чувствами (*беспокойный/ восторженный ум, невесты/ унылые мысли; безотрадная/ злая дума; [Шуйский]: И так уж есть довольно шумных толков: Умы людей не время волновать Нежданною, столь важной новизною.* Пушкин. Борис Годунов), ментальными (*знающий ум; изобретательный ум; вдумчивый ум; умные мысли*) и социальными признаками (*свобода ума/ мысли; богатство/ бедность ума/ разума; делать/ работать с умом*).

'Концепт внутреннего мира → Бог'. Теоморфные признаки (признаки божества) часто переносятся в системы иных кодов культуры. В роли божеств могут выступать духи – покровители человека (*Я любил чистосердечье, Думал нравиться лишь им, Ум и сердце человеке Были гением моим.* Державин. «Признание»). Бог наделяется признаками величия (*величие ума; великий ум; Мужик был великого ума...* А. Толстой. «Пётр Первый»), бессмертия (*бессмертный ум; бессмертная мысль*), воскресения (*воскресший ум*). Теоморфный код включает признаки культа (*преклоняться перед чьим умом/ чьей мыслью*). Теоморфизм в языковой картине мира фиксируется посредством функциональных признаков Бога, а именно: признаков творца (*ум творит*), созидателя (*ум созидает; созидательная мысль*), подателя благ и даров (*дарования ума; благоразумный; благая мысль*), милостивого и карающего существа, где кара переосмысливается в метафорах молний, и тогда речь идет о Боге-громовержце (*милостью ума; мысль бьет в самую точку; грозный ум; Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я царь – я раб – я червь – я бог!* Державин. «Бог»; *Что, положи чертёж и меры, Как волхв невидимый в шатре, Тем кажет он в долу химеры, Тем – в тиграх агнец на горе, И вдруг решительным умом На тысячи бросает гром.* Державин. «Водопад»).

'Концепт внутреннего мира → предмет'. Предметный код связан с окультуренной человеком сферой внешнего и внутреннего миров; он реализуется посредством нескольких групп, которые формируются признаками артефактов, продуктов, имущества, ценности. В структуры ментальных концептов включены указанные группы признаков, которые объективируются соответствующими метафорами. К ним относятся признаки артефактов – 'гвоздь' (*в голове гвоздём засела мысль*), 'игрушка' (*играть мыслями; Мысль свести брата с Наташей забавляла её.* Л. Толстой. «Война и мир»), 'инструмент' (*мысль сверлит*), 'книга' (*читать чьи мысли; записывать/ отметить в уме; сделать заметку в своём уме; [Зина] и на этот раз прочитала мои мысли.* Сергеев. «Конный двор»), 'нить' (*потерять нить мысли; Чужими умами только бураки подшивают; Оборвав нить мысли, Шелест отчеканил...* Бек. «Талант»), 'нож' (*отточенный/ острый/ тупой ум; Чтоб других учить, надо свой разум наточить*),

‘музыкальный инструмент’ (*настроение умов; ум настроен/ расстроен*), ‘механизм’ (*умственный механизм; (в уме) винтиков не хватает; В их голове всегдашний хаос; одна только полусветлая мысль неподвижна, вокруг неё вертятся все другие и в совершенном беспорядке*. Лермонтов. «Странный человек»).

Концептуальные структуры могут быть описаны посредством категорий пространства и времени. Концептуальные метафоры, относящиеся к пространственным, чрезвычайно разнообразны. Они позволяют описывать проявления ума через признаки вместилища (*быть в мыслях/ уме*), хранилища (*хранить/ сохранять в уме; держать в думках кого прост.*), тайника (*таить в уме/ мыслях*), контейнера (*заронить в ум/ разум мысль*).

Ментальные концепты могут быть представлены через признаки времени (*вечные мысли/ идеи*).

Указанные признаки могут использоваться для описания не только концептов внутреннего мира, но и мира внешнего. Так, человек, тело и различные соматические явления предстают в языке через такие же концептуальные метафоры (вещественный код – *кристально-чистый/ стальной/ железный человек*; пищевой код – *поедом ест кто кого; пережевывать* «повторять одно и то же; объяснять»; растительный код: *плод* «ребёнок внутри утробы», стихийный код: *не человек, а огонь/ вихрь/ ураган; толпа затопила помещение/ растекалась по площади*; зооморфный код: *лететь на свидание; супруги* «те, кто идёт по дороге жизни в одной упряжке»; *крыльями взметнулись руки; крылья носа*; предметный код: *кукловод* «политик»; *манипулировать людьми* и т. д.).

Таким образом, концептуальная структура представляет собой развитие человеческого опыта по нескольким двум путям освоения мира: (1) дуальность мышления представлена в виде нескольких антиномий: а) «живое – неживое», где к «живому» в русской языковой картине мира относятся растения, животные, человек, Бог, к неживому относятся стихии, вещества, продукты, предметы; б) «человеческое и нечеловеческое»; в) «природное (натуральное) – созданное (Богом/ человеком/ животным)»; г) «контролируемое – неконтролируемое»; д) «внешнее – внутреннее»; (2) системное познание мира, где каждый элемент системы обозначает определённый участок человеческого опыта, осознанный и сохранённый в виде устойчивых компонентов сознания, которые, закрепляясь за соответствующими языковыми знаками, переносят эту часть опыта в другие области познаваемого; (3) консервативность структур знания, сохранивших архаичные классификации мира в виде устойчивых выражений, не осознаваемых современными носителями языка (например, тело человека – *прах от праха* (библейская метафора) – есть почва для посева доброго и дурного; метонимически соматические концепты (телесных составляющих) переносят этот признак в свои структуры (*заронить зерно мысли в ум/ сознание; посеять в уме мысль*)).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Борискина О. О. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 211 с.
3. Головановская, М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М. К. Головановская. – М.: Фил. фак-т МГУ, 1997. – 289 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – С. 13-24.
6. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с. (Slavica Petropolitana).
7. Кошарная, С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород, 2002. – 287 с.
8. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
9. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сборник статей. – М., 1995. – С. 212.
10. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с.
11. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово, Landau: Кузбассвузиздат, Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия Этногерменевтика и этнориторика. Вып. 5).
12. Пименова, М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 82-90.
13. Пименова, М. В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира / М. В. Пименова // Человек и его язык. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 47-66 (Серия Филологический сборник. – Вып. 4).
14. Пименова, М. В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира / М. В. Пименова // Мир человека и мир языка: коллективная монография. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 58-120 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 2).
15. Пименова, М. В. *Душа и дух*: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово:

- Графика, 2004. – 386 с. (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 3).
16. Пименова, М. В. Концептосфера внутреннего мира человека / М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О. О. Борискина, Е. А. Пименов, // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 130-178 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 4).
17. Пименов, Е. А. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира человека / М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, О. О. Борискина, А. А. Кретов, Е. А. Пименов. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 179-207 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 4).
18. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
19. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин, З. Д. Попова, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О. О. Борискина, Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 45-52 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 4).
20. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996.
21. Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М., 1995.
22. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Academia, 2001. – 320 с.
23. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УГПУ, 2003. – 2-е изд. – 238 с.

УДК 81:39

М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КОД В ОПИСАНИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА (опыт исторического описания)

Статья посвящена изучению роли земледельческого кода в описании внутреннего мира человека на разных этапах развития общества и языка. Интерес к земледельческой метафоре обусловлен актуальностью данной субсферы для сознания древнего русича. В работе последовательно описываются разновидности земледельческих метафор в древнерусских текстах, прослеживается их история, судьба в классических текстах.

Ключевые слова: культурный код, картина мира, метафора, концепты внутреннего мира, этнолингвистика, лингвокультурология, концептуальные исследования, земледелие, душа, сердце, ум.

The article is devoted to the description of agricultural code that was useful for metaphorical expression of inner world. The agricultural metaphors were expanded in the old-Russian language. There are different types of the agricultural metaphors in classic old-Russian texts.

Этнолингвистика, возникающая на стыке этнографии и лингвистики, является одним из наиболее активно развивающихся научных направлений. Широкое понимание Д. К. Зелениным этнографии как дисциплины историко-филологической, как науки о народе, изучающей не только быт, способы хозяйствования, семейный и общественный уклад, магические действия, ритуалы и верования, но и в значительной степени устную словесность, язык и происхождение языковых групп явилось плодотворным для современной науки. Безусловно, реконструкция древнейших оснований славянской духовной культуры возможна лишь в результате синтеза лингвистических, этнографических и семиоти-

ческих методов, что и становится возможным в рамках современной этнолингвистики.

Длительное время реконструкция древнейших воззрений славян проводилась преимущественно на базе вторичных письменных, фольклорных и материальных источников, что значительно прояснило древние представления о мире. Постепенно особую актуальность начинает приобретать воссоздание архаической картины мира на основе языковых данных. Язык начинает восприниматься как хранитель культурного кода нации, как путь, по которому возможно проникнуть не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество, самих себя. Как отмечают Н. И. Толстой и С. М. Толстая, «язык, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, психологии, культуры, оказался одним из самых богатых и надежных источников для реконструкции доисторических, лишенных документальных письменных свидетельств форм человеческой культуры» [Толстой, Толстая, 1995, 3].

Выявление генетических истоков базовых концептуальных метафор в различных областях в их связи с культурными традициями, культурными кодами, является необходимым условием для установления специфики культуры славян, в частности, русских.

Культура представляет собой «иерархически организованную систему разных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая, 1995, 7.] Культурные коды формируются в глубокой древности, но в зна-